

ской эпохи с их культом чести и чувствительности, характерно не только для литературной ситуации 1830 - 1840-х годов, но и для более позднего времени. Так, Л.Н.Толстой в окончательном варианте романа "Война и мир" отказался от введения в него сцен, изображающих ужасы народной партизанской войны, ограничившись созданием колоритной и противоречивой фигуры Тихона Щербатова. Когда Н.Некрасов в 1856 году написал стихотворение "Так, служба! Сам ты в той войне...", сюжетом которого послужил рассказ П.Тучкова о том, как крестьяне-партизаны последовательно зверски убили французского офицера, его жену и детей, и напечатал его, то это вызвало взрыв возмущения А.Григорьева, назвавшего поэта "больным" человеком.

Ю.М.Проскурина

УРАЛЬСКИЕ БЕЛЛЕТРИСТКИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1860-Х ГОДОВ

Начавшийся в шестидесятые годы (1858 - 1868) расцвет русского реализма был обеспечен не только известными в писательской среде именами, но и рядовыми беллетристами, без которых, по мнению В.Г.Белинского, богатство литературы невозможно. С.Дудышкин, замечая в творчестве периферийных писателей "родовые признаки известного времени", полагал, что принципы реализма или, как он говорил, "условия школы реальной ... школы, создающей типы из жизни действительной, вседневной и обыкновенной, позволяют и талантам второстепенным делаться замечательными, если у них есть только наблюдательность и житейская опытность" (Отечественные записки. 1855. №1, отд.4. С.58).

К таким второстепенным талантам принадлежат и уральские писательницы А.А.Киришицкова (урожденная Быдарина) и Е.А.Словцова (псевдоним - Камская). Они представляют так называемую литературную периферию и по степени одаренности, и по месту жительства, хотя их произведения печатались на страницах центральных журналов. Так, повести Словцовой "Любовь или дружба? Отрывок из воспоминаний моей знакомой", "Моя судьба" были опубликованы в "Русском вестнике" в 1859 и 1863 годах. Несколько позже, в 1865 году, читатели "Современника" могли познакомиться с

двумя рассказами Кирпищиковой, а в 1867 году в "Отечественных записках" появилась ее повесть из рабочего быта "Как жили в Куморе".

Обе беллетристики не были избалованы вниманием современной им критики. Но все же их заметил Салтыков-Щедрин, который благосклонно отнесся к Кирпищиковой, способствовал ее вторичному литературному дебюту в конце семидесятых годов, а Словцову причислил к дамам-писательницам, вызывавшим у него активное неодобрение (Современник. 1864. N 4). Видимо, радикализму Щедрина импонировал демократизм Кирпищиковой и была чужда лишенная критического пафоса либеральная позиция Камской.

Исходя из особенностей своего мировоззрения, биографического опыта, каждая из интересующих нас писательниц откликается на одну из актуальных проблем "эпохи всеобщей эмансипации", по определению Словцовой. Главный вопрос времени - содержание и формы "общественного пересоздания" (Герцен) - рождает множество споров вокруг, например, роста "чувства личности", идей о женском равноправии, поисков "луча света в темном царстве", "перемен" в изображении простонародного мира.

Тематическому разнообразию прозы тех лет отвечает многоаспектное решение основной "формулы" реализма, преодоление присущей литературе сороковых и пятидесятых годов односторонности в освещении проблемы характеров и обстоятельств. Сложившаяся в стране ситуация, накопленный эстетический опыт позволяют "шестидесятникам" не только вслед за реалистами сороковых годов показывать трагическое воздействие социальных условий на судьбы людей, не только вслед за писателями пятидесятых годов настаивать на противостоянии человека дурному влиянию среды, но и ставить вопрос о возможности и начале "перемены декораций", о "своеволии личности".

Синтез и обогащение традиций предшествующих этапов в развитии реализма способствует сосуществованию нескольких течений в русской словесности шестидесятых годов, одно из которых (социологическое) господствовало в натуральной школе, другое (психологическое) в литературе "мрачного семилетия". В психологической поэзии и прозе доминирует внимание к философскому содержанию, к общече-

ловеческим вневременным проблемам, освещаемым на конкретно-историческом национальном материале.

Смотреть "из времени в вечность" (Фет) пытается Словцова-Камская, поскольку ее повести посвящены теме любви, семьи, а субъективизированная форма повествования претендует на исповедальность.

Писатели так называемого социологического течения обычно тяготеют к постановке и решению текущих национальных задач общественно-политического характера и нередко предпочитают использовать в различных композиционных формах просторечно-диалектную лексику. Именно этим параметрам отвечает повесть Кирпищиковой "Как жили в Куморе", открывающая в простонародной жизни вслед за произведениями Решетникова мир рабочего люда на Урале.

Само название повести Кирпищиковой ориентировано не только на определенную топографию (Кумора), но и на бытописание ("как жили"). Прошедшее время позволяет писательнице в духе своего времени дать типологию персонажей в свете проблемы взаимоотношений характеров и обстоятельств. Подобно Ф.Решетникову ("Горнозаводские люди", 1863), Марко Вовчоку ("Рассказы из народного русского быта", 1859), Кирпищикова изображает и тех простолюдинов, которые смиряются перед силой обстоятельств, и тех рабочих, в которых растет чувство протеста, стремление стать хозяином своей судьбы.

К таким активным самостоятельным волевым натурам принадлежат и героини Словцовой-Камской, представляющие разночинную среду. Повести "Моя жизнь", "Любовь или дружба" появились в печати одновременно с "Семейным счастьем" Л.Толстого (1859) и романом Чернышевского "Что делать?" (1863). Всех их сближают не только даты публикации, но и внимание к "женскому вопросу".

Произведения Чернышевского и Словцовой знакомят с двумя типологическими решениями проблемы женской эмансипации, одно из которых связано с коренными социальными преобразованиями, другое - только с правом женщины самостоятельно выбирать спутника жизни. Но помимо различия здесь наблюдается некоторое сходство, в частности, проявляющееся в склонности к дидактизму, к теоретизированию (например, размышления о любви и дружбе, о "здоровости выбора" супруга).

У Словцовой-Камской имеются отдельные точки пересечения и с романом Толстого, хотя "Семейное счастье" содержит в себе консервативный отклик на идею женской эмансипации. Так, история отношений героини романа и ее опекуна - будущего мужа - отчасти напоминает противоречивые чувства Натальи Алексеевны к своему опекуну Зарятину, ставшему в конце концов ее супругом ("Моя судьба"). Рассматриваемые произведения Толстого и Камской написаны от первого лица, от лица рядовых, обычных женщин, одна из которых принадлежит к дворянскому обществу, другая - к разночинской среде. Но Толстому субъективно-экспрессивная форма повествования позволяет заглянуть в тайники женской души, передать диалектику чувств. Повесть Камской лишена психологической глубины, в ней форма от первого лица скорее способствует лиризации повествования.

И все-таки повести Словцовой-Камской, хотя в них и нет психологического мастерства Толстого и политического радикализма Чернышевского, вносят уральской тематикой, творческой индивидуальностью автора дополнительные краски в палитру литературной жизни шестидесятых годов точно так же, как произведения Кирпищиковой, посвященные жизни простого народа.

Л.М.Слобожанинова

"МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА" П.БАЖОВА В ИСТОРИИ РУССКОГО СОВЕТСКОГО СКАЗА. ЗОЩЕНКО И БАЖОВ

1. Бажовский сказ, ошибочно интерпретируемый как "фольклорная стилизация" (Поэтика сказа. Воронеж, 1979), бесосновательно исключается из "волнового" интереса к народному строю речи (Белая Г. Закономерности стилевого развития советской прозы двадцатых годов. М., 1977). Эта точка зрения с той поры практически не пересматривалась. Исключается также сопоставление бажовского сказа какого-либо другого писателя. Между тем традиционный русский сказ ("устный монолог повествовательного типа" со специфической стилевой окрашенностью, по определению